

Лику снился цветной сон. Будто каждая вещь на их маленькой кухне излучала особенное спокойное свечение. Свет лился из-за бабушкиной спины, окутывая её в золотые лучи, пылью рассеивался над тёмной и вихрастой Гошкиной головой, проникал сквозь его пальцы, которые он растопырил, слизывая с них янтарное варенье. Свет солнечным зайчиком бликовал в чашках с чаем и на белых в красный горох блюдах, в которых лежали их любимые творожники.

Лику лицо чуть тронула улыбка, прикрытые веки дрогнули, но не захотели открыться. На мгновение пробудившись, Лику поняла, что ещё утро, а уезжать ей только вечером и есть время подремать. Она крепче зажмурила глаза и постаралась вновь вернуть расплывшуюся картинку осеннего утра.

У каждого из нас бывают эти сладостные минуты между полусном и полубью, когда зыбкое ощущение ушедшего становится столь осязаемым, что, помня о себе сегодняшнем, ты будто в машине времени возвращаешься в прошлое. Так Лику вернулась в детство.

Ей – восемь, Гошке – девять. Ещё с вечера они договорились с бабушкой ехать в лес за осенними букетами. Поэтому, несмотря на выходной, тихонько, чтобы не разбудить родителей, они выскреблись из своих кроватей и теперь сидят на кухне, поедая бабушкины творожники. Бабушка – худенькая, постриженная, как мальчик, ёжиком, заводила и выдумщица – с удовольствием наблюдает за их манипуляциями: творожник в варенье, потом в сметану, потом в обжаренные орехи.

Бабушкины творожники – блюдо экспериментальное, всегда подаётся под разными соусами и с разными начинками. Иногда на творожниках появляются рожицы и надписи. Поэтому, когда бы бабушка ни спросила, что приготовить, Лику с Гошкой, в ожидании очередного сюрприза, в один голос требуют творожники. Потом в их лице «приёмная комиссия» или одобряет блюдо, и тогда рецепт записывается для памяти, а Лику ещё его и зарисовывает, или творожники принимаются с замечаниями, или в редких случаях – бывало и такое – эксперимент признавался неудачным.

В это осеннее солнечное утро творожники были приняты на ура, втроём они пили чай и по обыкновению болтали о чём придётся. Бабушка была «своим парнем» и говорить с ней можно было обо всём.

– Ба, а с тобой мистические истории

случались? – спросил Гошка.

– Мистические? – задумалась бабушка. – Даже не знаю, а зачем тебе?

– У нас Хэллоуин же в школе, мы решили в классе вечер страшных историй устроить, а у меня что-то такого не было.

– Да у меня тоже, знаешь, с мистикой не густо, – усмехнулась бабушка, – хотя кое-что было. Только тебе не подойдёт, наверное.

– А ты расскажи!

– Сильно страшно? – забеспокоилась Лику.

– Ну, когда со мной это случилось, мне не по себе было, а вам – не знаю. Вас вон от ужастиков на ночь глядя не оторвать, – заметила бабушка.

– Ба, рассказывай! – нетерпеливо потребовал Гошка.

– Ну, котятки, начну издалека, – улыбнулась бабушка.

Она, обожавшая кошек, за шалости называла внучат «мейкунами хищными» или «злыднями», но в то благостное утро они удостоились «котятком».

– Давным-давно, – продолжала бабуля, – когда я училась в школе, мне повезло с любимой учительницей литературы. С её же лёгкой руки у меня появился первый любимый поэт. В четвёртом классе на лето она дала нам список книжек, которые надо прочитать, и самое неизгладимое впечатление у меня осталось от книжки «Детство Лермонтова». Очень я его жалела и даже плакала. Ну вот... А к старшим классам мы с моей закадычной подружкой уже всерьёз увлеклись поэзией. Но любимец у каждой был свой – я любила Лермонтова, а она Пушкина. Мы читали стихи, книжки о творчестве поэтов и, думаю, тогда знали о них всё, что только было известно. И вот среди этой литературы время от времени попадалось мне название «Литераторские мостки». Что это за «мостки» такие, я не знала, интернета тогда не было, а в энциклопедии посмотреть что-то мне и в голову даже не пришло. Окончила я школу и поехала первый раз в Ленинград, тогда Петербург ещё Ленинградом назывался. И, конечно, нашла дом на набережной реки Мойки, 12. Сходила на экскурсию в Музей-квартиру Пушкина, всё там очень проникновенно было, особенно. И там я тоже всплакнула о судьбе поэта. Я романтическая девушка-то была.

Но эти «мостки литературские» не давали мне покоя. Очень я хотела на них посмотреть. Рисовался мне в воображении мостик небольшой с резными перильцами, речка и берёзки на берегу. И

вот, подружки мои побежали по магазинам, а я взяла карту и пошла искать эти «мостки». Пошла пешком. Шла-шла, шла-шла, ну, не знаю, час-то верный шла. Не могу найти, плутаю среди каких-то домов, не вижу ни речки, ни мостка. Уже, думаю, вернуться надо, да обидно возвращаться – столько прошла. И вот наконец вышла на какую-то дорогу. Смотрю, впереди красивые кованые ворота и что-то типа церкви за ними. Подошла. По карте – это место, а мостков нету. Спрашиваю у прохожего, а он говорит: «Вот, они самые и есть». Ну, зашла я за ворота, а это оказывается... кладбище!!! Там, оказывается, писатели захоронены. Стала я ходить меж могил с памятниками. Ну, раз уж пришла. День, солнце светит – не страшно. Хожу, удивляюсь – такие фамилии я только в учебниках читала: и Тургенев, и Белинский, и Миклухо-Маклай. Чьих только могил там не было! Вся история литературы на мраморных памятниках. Но только стала я замечать, что брожу-то я среди них одна, а редкие прохожие, что по тропинке через это место ходят, как-то странно на меня поглядывают. Ну, думаю, сейчас вон ещё к тем могилкам подойду, где свежие цветы, и на выход. Подхожу. А там актёры известные, недавно, видно, похороненные, даже ещё памятников нет, только камни лежат. И вдруг вижу, рядом со мной женщина какая-то стоит. Росточком маленькая, чёрные волосы газовым платком подвязаны. Как и откуда она подошла, я не знаю, вообще не заметила. И спрашивает меня эта женщина ласково так: «Гуляете? Я тоже здесь люблю гулять! У меня как голова заболит, так я сразу сюда. И здесь, знаете, как рукой головную боль снимает». Ласково она со мной так разговаривает, а на меня страх напал, дрожь пробирает, и я слово сказать не могу. Смотрю ей в глаза, а глаза у этой женщины как водяные, бесцветные. И взгляд какой-то странный, как сквозь меня. И как кинулась я бежать, котятки! К воротам-то подбегаю, а они закрыты. Я – в церковь. Дверь тяжёлая, еле открыла. Заскочила, встала у окошечка и смотрю. А у самой от страха аж колени подкашива-

ются. Вижу, сторож, наверное. Пришёл, калитку в воротах отомкнул, я выскочила и убежала.

Ли́ка с приоткрытым от волнения ртом и замершей на полпути рукой с творожником во все глаза смотрела на бабушку. А Гошка был разочарован.

– И всё?! – спросил он.

– А ты что хотел, чтобы та тётка меня загрызла или в могилу утащила? – рассмееялась бабушка. – Давайте, котятки доедайте свои творожники и выходите на улицу, а я пойду машину протру да скарб наш загрузку. Не задерживайтесь, а то без вас в лес уеду! – пригрозила в шутку бабушка.

Допивая чай, Ли́ка слышала, как бабушка шуршала в коридоре своей курткой, как хлопнула дверь и щёлкнул замок.

От щелчка Ли́ка подскочила на кровати, села на её краешек и окончательно проснулась. В квартире было непривычно тихо.

– Как там Гошка? – с тоской подумала Ли́ка о брате.

Гоша уже год как учился в Праге и не смог приехать, а она из Питера сорвалась. Отпросилась из своей Академии художеств, чтобы проводить бабушку в последний путь. Сегодня девять дней, и вечером Ли́ке уезжать на учёбу.

«Приснилось или наяву кто-то хлопнул дверь?» – подумала Ли́ка.

Ей показалось, будто из кухни потянуло аппетитным запахом, и в голове мелькнула безумная мысль: «А вдруг уход бабушки – это просто сон? Всё, что ей снилось, – было наяву, а всё, что наяву, – просто дурной сон?! Сейчас она пойдёт на кухню, а там сидит бабуля и тихо читает книжку, ожидая её пробуждения».

В это же мгновение волна радости подкатила к горлу, Ли́ка так легко и сразу приняла эту шальную мысль. С замирающим сердцем, с отчаянной надеждой на чудо рванулась к кухне. Задержала дыхание, открыла дверь... кухня была пуста.

Из приоткрытого окошечка ветер обдувал и сушил шёлковую штормку, а посередине стола в блюде лежали тёплые ещё бабушкины творожники.

В праве ли писатель
чего-то требовать
от читателей?

